

Кир Булычев

Чужая память

Кир Булычев
Чужая память

«ЭКСМО»

2005

Булычев К.

Чужая память / К. Булычев — «Эксмо», 2005

ISBN 978-5-425-04549-2

Ученый Ржевский вырастил из одной своей клетки полную свою биологическую копию. Иван унаследовал полностью всю память отца.

ISBN 978-5-425-04549-2

© Булычев К., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	8
5	10
6	12
7	13
8	17
9	19
10	20
11	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кир Булычев

Чужая память

1

За долгие годы Сергей Андреевич Ржевский привык не замечать здание института и окружавшие его дома. Но в тот понедельник машина за ним не пришла. Ржевский добирался до работы автобусом и увидел, что начали ломать барачный поселок, тянувшийся от автобусной остановки.

Поселку было лет пятьдесят, его построили в тридцатые годы. Между двухэтажными желтыми бараками выросли высокие тополя. Сергей Андреевич понял, что бараки ломают, когда вместо первого из них оказался светлый проем в деревьях, за ним, как в раме, из которой вытащили привычную картину, тянулся еще не застроенный пустырь до самого горизонта, до белых зубцов нового района.

У следующего барака стоял экскаватор с чугунным шаром вместо ковша. Железо с крыши сняли, и оно лежало сбоку неровной кипой листов тускло-зеленого цвета.

У третьего барака Ржевский остановился. Когда-то он прожил здесь полгода, устроившись на работу в институт. Снимал комнату на втором этаже.

Барак был пуст, входная дверь приоткрыта, можно войти, но Сергей Андреевич отогнал внезапное желание оказаться в той комнате, подойти к окну на улицу и постоять у него, как стоял и ждал когда-то.

Ржевский посмотрел на часы, словно искал оправдание поспешному уходу. Часы показывали десять минут десятого. Сергей Андреевич прошел еще сотню метров и увидел свой институт – серое четырехэтажное здание с большими квадратными окнами и несоразмерно маленькой дверью. Когда институт построили, Москва еще не добралась до этих мест. А потом город обошел его языками домов, институт вошел в пределы Москвы, но вместе с барачным поселком остался заводью в высоких берегах новостроек.

Надо делать ремонт, подумал Ржевский, глядя на осыпавшуюся на втором этаже штукатурку. Сейчас вызову Алевича. Неужели ему самому не стыдно?

2

В коридоре было пусто, все уже разошлись по отделам и лабораториям. В узком предбаннике перед кабинетом Ржевского тоже было пусто. На столе секретарши записка:

«СА! Я в месткоме. Обсуждаем итоги пионерлагеря. Лена».

Рядом несколько конвертов официального вида – приглашения. Новый английский журнал. Автореферат, из Ленинграда.

Настроение было испорчено. Ржевский искал причину, не желая признаться себе, что виноваты бараки. Что он хотел сделать? Вызвать Алевича? Нет, сначала надо просмотреть почту...

За приоткрытой дверью в кабинете послышался шорох. Потом легкий скрип. Кто-то открывал средний ящик его письменного стола. Этого еще не хватало!

Ржевский сделал было шаг к кабинету. И вдруг остановился. Ему стало страшно.

Страх был иррационален. Директор института боялся войти в собственный кабинет. Ржевский стоял и слушал. И ему хотелось, чтобы из кабинета вышла Лена и сказала: «А я у вас на столе прибрала». Но в кабинете было темно, шторы задвинуты. Лена первым делом открыла бы шторы.

– Кто здесь? – спросил Ржевский от двери. Голос сорвался. Пришлось откашляться.

Тот, кто таился в полутьме, не хотел отвечать. Молчал, затаился.

Надо войти и зажечь свет. Но свет в кабинете зажигается очень неудобно. Надо сделать два шага в сторону, по правой стене. Там выключатель. От двери не дотянешься. Зачем повесили такие плотные шторы? Кино, что ли, здесь показывать?

В кабинете не совсем темно. Глаза различили стол буквой «Т». Шкафы по стенам... Ржевский шагнул в кабинет и, прижимаясь спиной к стене, двинулся к выключателю. Уже протягивая к нему руку, разглядел за письменным столом темную фигуру. И понял, что у фигуры нет лица. То есть лицо было темным, как туловище, как руки... Темная голова шевельнулась, следя за Ржевским, и отраженным от двери светом блеснули маленькие глаза.

И тут громадное темное тело, словно подброшенное пружиной, взлетело в воздух и метнулось к Ржевскому. Он не сообразил, некогда было соображать, что тело несется к двери. И сам бросился туда же.

Успел к двери в тот момент, когда ее достигло и черное существо. Отлетел в сторону, ударился о стол, все закружилось, обрушилось в пропасть... На несколько секунд он потерял сознание. Очнулся от боли в спине и в ноге. И от страшного вопля, визга в коридоре. От топота. От криков. Он понял, что сидит на полу, прислонившись спиной к столу секретарши.

3

Алевич прибежал первым, помог директору подняться, хотел вызвать «скорую помощь», но Ржевский велел отвести его в кабинет.

Алевич открыл шторы, поднял опрокинутое кресло. Он сокрушенно качал головой и повторял:

– Надо же! Вы только подумайте.

Сергей Андреевич молчал. Он сел в кресло, заглянул в полуоткрытый ящик стола, вытащил оттуда смятую красную бумажку, расправил, положил на стол. И вдруг улыбнулся. Улыбка получилась растерянной, даже глупой.

– Как же я не сообразил, – сказал он.

– Клетка оказалась легкомысленно открытой, – объяснил Алевич, сидя на корточках и собирая бумаги, улетевшие со стола. – Может, дефект замка? Гурина клянется, что вчера запи- рала.

– А сегодня утром она заходила в виварий? – Ржевский сложил красную бумажку вдвое, потом вчетверо, провел ногтем по сгибу, подкинул фантик ладонью.

– Сегодня утром?.. Мы сейчас ее вызовем.

– Не надо. Я сам туда спущусь.

– Может, все-таки вызовем врача?

– Ничего не случилось, – сказал Ржевский. – Немного ушибся. И все. Надо было мне раньше догадаться. Струсил.

– Бывает, – сказал Алевич, – даже с директорами.

Он подошел к двери на два шага сзади Ржевского, в дверях обернулся, глазом смерил расстояние до письменного стола, покачал головой:

– Надо же так сигануть!

4

Оба шимпанзе жили на первом этаже, в большой комнате, разделенной пополам толстой редкой решеткой, отдельно от собак, которые ютились в подвале и устраивали иногда шумные концерты, будто оплакивали свою подопытную судьбу.

Глаза у Гуриной были мокрыми.

– Я запирала, – сказала она. – Я проверила, перед уходом проверила.

Шимпанзе были очень похожи. Только у Джона, матерого самца, морда уже потеряла лукавство и озорную подвижность. Он спокойно чесал живот, чуть прищутив глаза, кивнул солидно Ржевскому и ничего просить не стал – знал, что у этого человека не допросишься. Захочет, сам даст. Лев – живее. Лев сморщил лицо, удивительно похожее на отцовское. У обезьян разные лица, как у людей, – если общаться с ними, никогда не спутаешь. Лев вытянул губы вперед. Лев был собой доволен.

– Ну как же ты, чуть директора не убил, – сказал ему укоризненно Алевич.

– Это чья клетка? – спросил Ржевский.

– Как так чья? – не поняла Гурина.

– Лев сидит в своей клетке?

– Конечно, в своей, – сказала Гурина.

– Ошибка, – поправил ее Алевич. – Мы его сюда только на той неделе перевели. Поменили клетки.

– Правильно, – сказал Ржевский. – Тогда все понятно.

– Что? – Гурина была очень хороша непорочной, розовой красотой с какой-то немецкой рождественской открытки. Только вот глаза мокрые.

Ржевский подошел к клетке и сунул руку внутрь. Лев протянул лапу и дотронулся указательным пальцем до руки Ржевского.

– Осторожнее, – прошептала Гурина.

– Не беспокойтесь, Светлана, – ответил Ржевский. – Мы с ним давно знакомы. Уже пятый год.

Гурина не стала спорить. Не посмела. Лев появился в виварии три недели назад. До этого Ржевский видеть его не мог. Но возражать было бессмысленно

– директор знал, что говорил. Если, конечно, не произошло мозговой травмы.

– Покажи-ка, Лев, – велел Ржевский, – как открывается этот замок.

Джон заволновался в своей клетке, заворчал, был недоволен.

– Ну, чего же, – настаивал Ржевский. – Мы же знаем этот маленький секрет.

Лев наклонил голову набок. Он все понимал. Потом знакомым, джоновским движением почесал себе живот.

– Ты уже съел, – сказал Ржевский. – Нечестно дважды получать награду. Ты съел без разрешения.

Он вынул из кармана красный фантик, показал Льву. Джона это привело в ярость. Он тряс решетку, пытался добраться до сына, чтобы наказать его за самовольство.

Лев лениво протянул лапу, длинными пальцами пошевелил замок, чуть приподнял его. Замок щелкнул и открылся.

– Вот и весь секрет, – сказал Ржевский. – Спасибо за демонстрацию, Лев.

– Даже я не знала, честное слово, не знала, – сказала Гурина.

– Правильно. Не знали. Знали только Джон и я. Но Джон не пользовался знанием без нужды. Он у нас солидный мужчина.

Солидный мужчина продолжал сердиться. У него были желтые страшные клыки, и в гневе он закатывал глаза, так что видны были только белки.

- Замок сменим, – заверил Ржевского Алевич. – Я сейчас же слесаря позову. Но какой мерзавец, а? Найти дорогу к вам в кабинет. Какая сообразительность!
- Спасибо, Лев, – сказал Ржевский, – спасибо, молодец.

5

В кабинете Ржевский подошел к окну. Из окна были видны купы деревьев и среди них равномерный пунктир темно-зеленых крыш бараков. В конце этой плотной зеленой полосы, у шоссе, вместо последних крыш был провал.

Тогда было трудно с деньгами, вернее, денег у них совсем не было. А соседка Эльзы уезжала куда-то, кажется, в Саранск. Она продала им тахту за сто рублей старыми деньгами. Это было дешево. Они тащили тахту через полгорода, Виктор все чаще останавливался, чтобы отдохнуть, садился на тахту прямо на тротуаре, люди проходили мимо, оглядывались, некоторые шутили, Виктору это нравилось. Лиза стеснялась, отходила в сторону, Эльза топталась над Виктором, требовала, чтобы он вставал, шел, – всего этого Виктор не терпел, он ласково улыбался, мягко двигал руками, стряхивал со лба капли пота. Он всегда быстро уставал, физически и умственно. «Еще минутку, – говорил он, – одну сигарету и в путь». Ножек у тахты не было, на свалке рядом с баракom нашли кирпичи и подложили. Поэтому тахту звали печкой. Лиза была счастлива. Она воспринимала тахту как символ будущего дома, хозяйства, даже вечности...

Шаги Эльзы нервно и даже возмущенно простучали сквозь «предбанник», выбили короткую дробь в кабинете. Замерли. Ржевский не обернулся.

– Сергей! Что это значит?

– Ничего не значит.

Он отошел к столу. Эльза на удивление молодо выглядит. В плотно лежащих, прижатых к черепу черных волосах, разделенных на прямой пробор, совсем нет седины. Вот он, Ржевский, уже стал пегим, а ее на первый взгляд можно принять за девушку. Если бы она не прыгала на вечеринках, задирая короткие ноги, не бросалась бы к пианино, чтобы бурно, ученически сыграть Шопена, соскользнуть с Шопена на популярный шлягер, если бы она не старалась так казаться молодой, было бы лучше.

– Сережа, скажи честно, ты пострадал?

Господи, подумал Ржевский, я все равно остаюсь ее собственностью. Она весь мир делит на собственных и чужих. Собственным хуже. К ним требования выше. Надо соответствовать ожиданиям. И не дай Бог покинуть свою полочку и нарушить законы Эльзиной любви. Лучше быть чужим. Эльза была из того прошлого, о котором Ржевский не любил вспоминать, о котором он забыл. И вот надо же было ей отыскать его через столько лет. И все время чего-то пропустить. По-приятельски. По старой памяти.

– Спасибо за заботу, Эльза, – сказал Ржевский. – Все хорошо.

– Как может быть хорошо, если по институту бегают звери? Ты от меня что-то скрываешь?

– Ничего не случилось, – повторил Ржевский. Он подошел к письменному столу и наклонился, разглядывая ящик. Никаких следов ногтей, никаких царапин. Шимпанзе знал, как открывать стол. – Кстати, ты не помнишь, в каком бараке мы с Лизой жили, в третьем или четвертом?

– В бараке?

– Ну тогда, двадцать пять лет назад. Мы же снимали там комнату. Теперь их начали сносить.

– Не помню, – быстро ответила Эльза. – Это было давно. Может, вызвать врача?

– А ты всегда хвасталась фотографической памятью, – сказал Ржевский. – Мне бы твою память, я бы давно стал академиком.

– Ты и так станешь, – сказала Эльза уверенно. – Если тебя в следующий раз не сожрет тигр. Все-таки расскажи мне, как это произошло.

Ржевскому почему-то не хотелось рассказывать Эльзе об утреннем переполохе. К тому же заведующей институтской библиотекой совсем не обязательно знать обо всем.

– Как у тебя дома? – спросил он. – Как Виктор?

Эльза отмахнулась.

– Мама как? Ниночка?

– Да, кстати, я еще вчера хотела к тебе зайти по этому поводу, – сказала Эльза. – Ниночке поступать в институт.

– Да, знаю, – сказал Ржевский. Летом Нина поступала на биофак и безуспешно. Ни пробивная сила Эльзы, ни помощь Ржевского, которого, конечно же, заставили звонить на самый верх, не помогли. Теперь Нина пережидала год, работала в библиотеке у матери.

– Я хотела тебя попросить – переведи ее в какую-нибудь лабораторию. Ей будет легче поступить. Ты же обещал, когда освободится место. Кадровик сказал, мы набираем лаборантов.

– Хорошо, – сказал Ржевский, подвигая к себе папку с почтой. Может, Эльза догадается, уйдет?

Эльза подошла к окну.

– В самом деле, сносят бараки, – сказала она. – Я и не заметила. Быстро идет время. Ты совсем седой. Тебе надо отдохнуть.

Ржевский поднял голову, встретился с ее взглядом. Взгляд и голос требовали ответной теплоты. Но ее не было. Что будешь делать.

6

Эльза открыла поцарапанную бурую дверь, ступила в полутьму коридора. Давно надо бы повесить новую лампу, на той неделе чуть не купила, но сумка была тяжелая, отложила до лучших времен. Паркетины знакомо закрипели, когда Эльза вешала плащ. Виктора, конечно, нет дома, придет навеселе.

Эльза прошла на кухню, бросила сумку с продуктами на стол рядом с посудой, оставшейся после завтрака. Виктор обещал помыть. Конечно, никто не почесался, чтобы привести кухню в порядок. Хлеб засох, ломтики сыра свернулись, ошетинились сухими краями. Ну, ломают бараки, и Бог с ними, почему она должна думать об этих бараках? Эльза зажгла газ, налила в кастрюлю воды, достала вермишель.

– Кисочка, – раздался голос сзади, – я без тебя изголодался.

– Ты дома? – Эльза не обернулась. – Я думала, на футболе.

– Хлеб я купил. Два батона. Один я съел, кисочка.

За последние годы Виктор расплзся и размяк. Эльзе казалось, что стулья начинают скрипеть за секунду до того, как он на них садится.

– На Сергея обезьяна напала, – сказала Эльза.

– Они у вас бегают по институту? – спросил Виктор, придерживая открытую дверцу холодильника, чтобы посмотреть, нет ли еще чего-нибудь съедобного.

– Ты за Ниночку не боишься?

– Молодой шимпанзе вышел из клетки, пробрался в кабинет Сергея и стал шуровать в его письменном столе.

– Не может быть! – Виктор отыскал в холодильнике кусок колбасы и быстро сунул его в рот. Как ребенок, толстый, избалованный, неумный, подумала Эльза.

– Этой обезьяне всего две недели от роду, – сказала Эльза. – Ты все забыл.

– А, опять его опыты... Я сегодня жутко проголодался. В буфете у нас ничего сытного.

– Теперь его не остановить, – сказала Эльза. – Он примется за людей.

– Ты в самом деле хочешь его остановить? – спросил Виктор.

– Он изменился к худшему, – сказала Эльза. – Ради своего тщеславия он ни перед чем не остановится.

– Ты преувеличиваешь, кисочка, – вздохнул Виктор. – У нас не осталось выпить чего-нибудь?

– Не осталось. Человечество еще не готово к такому шагу.

– Не готово? – повторил Виктор. – Значит, надо написать куда следует. Написать, что не готово.

– Нельзя, – сказала Эльза. – Уже писали. Он всех обаял.

– Надо было побольше писать, – убежденно сказал Виктор. – Тогда на всякий случай прислали бы комиссию.

Хлопнула дверь, прибежала Нина. Нина всегда бегала, так и не научилась за восемнадцать лет ходить, как все люди.

– Я сыта, – сказала она от дверей кухни, не здороваясь.

Нина не любила есть дома. Она вообще старалась не есть, она боялась растолстеть.

– Я все устроила, – сказала Эльза. – С понедельника тебя переводят в лабораторию.

7

Ржевский кончил говорить.

Они смотрели на него. Шестнадцать человек, которые имеют право сказать «да». Или отказать в деньгах. Или отложить исследования. Остапенко убежден, что все обойдется. Из окна кабинета отличный вид. Москва-река, трамплин на Ленинских горах, дальше – стадион. Вечернее солнце золотит лысины и серебристый пух над ушами. Чего же они молчат?

Остапенко постучал по столу концом карандаша.

– Вопросы? – сказал он.

– А как дела у наших коллег? – спросил крепкий широкий мужчина в цветном галстуке. Он буквально убивал себя этим галстуком – остальное пропадало в тени. – Что делают в Штатах?

Ржевский вновь поднялся. Этот вопрос полезен.

– Мы полагаем, – сказал он, – что японцы уже близки к успеху. С американцами сложнее. В прошлом году была публикация – с собаками им удалось.

– Джексон? – спросил Семанский с далекого конца стола.

– Джексон и Хеджес, – ответил Ржевский. – Потом замолчали.

– Ясно, – сказал мужчина в ярком галстуке. Почему-то Ржевский никогда раньше его не видел. – Значит, на пороге?

– Сегодня трудно допустить, чтобы целое направление в биологии было монополией одной страны. Мы все едем по параллельным рельсам.

– Голубчик, – раздался голос сбоку. Ржевский обернулся и не сразу разглядел говорившего – солнце било в глаза. Голос был скрипучим, древним,

– значит, вы предлагаете заменить собой Господа Бога?

Ага, это Человеков, бывший директор ИГК. Великий консультант и знаменитый тамада на докторских банкетах.

– Если нам выделяют средства, то мы постараемся выступить коллективным богом.

Не этих вопросов Ржевский опасался.

– Удивительно, – сказал Человеков. – И во сколько нам обойдется ваш гомункулус?

– Ржевский знакомил нас с цифрами, – сказал Остапенко. – Хотя, разумеется, он в них не уложится.

– Вы думаете, что Пентагон засекретил? – спросил человек в ярком галстуке.

– Я ничего не думаю, – сказал Ржевский. – Хотя убежден, что делать людей дешевле ортодоксальным путем.

Кто-то засмеялся.

– Перспективы соблазнительны, – сказал секретарь отделения. – Именно перспективы.

Когда-нибудь мы научимся делать это в массовом порядке.

– Не думаю, что в ближайшем будущем, – сказал Ржевский.

– Первая атомная бомба тоже дорого стоила, – сказал Сидоров. Сидоров был против методики Ржевского. Его фирма работала над близкими проблемами, но, насколько Сергей знал, они зашли в тупик. – Меня смущает другое – неоправданный риск. Кто-то здесь произнес слово «гомункулус». И хоть литературные аналогии могут показаться поверхностными, я бы сказал больше

– чудовище Франкенштейна. Где гарантия, что вы не создадите дебила? Монстра?

– Методика отработана, – сказал Ржевский.

– Я вас не перебивал, Сергей Андреевич. Между опытами над животными и экспериментами над человеком лежит пропасть, и каждый из нас об этом отлично знает.

– Что предлагаете? – спросил Остапенко.

– Создать комиссию авторитетную, которая ознакомится с результатами работы института...

– Я в январе возглавлял уже такую комиссию, – сказал Семанский.

– Тогда вопрос об опыте над человеком не ставился.

– Ставился. Это было конечной целью.

– Считайте меня скептиком.

– А если американцы вправду сделают? – спросил человек в ярком галстуке.

– Ну и Бог с ними! – взвился Сидоров. – Вы боитесь, что там тоже есть... недальновидные люди, которые захотят выкинуть несколько миллионов долларов на жалкое подобие человека?

Началось, подумал Ржевский.

– Я понял, – вмешался Айрапетян, отчеканивая слова, словно заворачивая каждое в хрустящую бумажку, – профессора Ржевского иначе. Мне показалось, что наиболее интересный аспект его работы – в ином.

Остапенко кивнул. Ржевский подумал, что они с Айрапетяном обсуждали все это раньше.

– Клонирование – давно не секрет, – сказал Айрапетян. – опыты проводились и проводятся.

– Но вырастить в колбе взрослого человека, сразу... – сказал Человеков.

– И это не новость, – сказал Сидоров.

– Не новость, – согласился Айрапетян. – Удавалось. С одним минусом. Особь, выращенная ин витро, была «маугли».

Остапенко снова кивнул.

– Маугли? – Человек в ярком галстуке нахмурился.

– В истории человечества, – начал Айрапетян размеренно, как учитель, – бывали случаи, когда детей подбирали и выращивали звери. Если ребенка находили, то он уже не возвращался в люди. Он оставался неполноценным. Мы

– общественные животные. Взрослая особь, выращенная ин витро, – младенец. Мозг его пуст. И учить его поздно.

– Вот именно, – сказал Сидоров. – И нет доказательств...

– Простите, – сказал Айрапетян. – Я закончу. Достижение Сергея Андреевича и его сотрудников в том, что они могут передать клону память генетического отца. Поэтому мы здесь и собрались.

Они же все это слышали, подумал Ржевский. Но существуют какие-то шторы в мозгу. Сито, которое пропустило самое главное.

– Подтвердите, Сергей Андреевич, – попросил Айрапетян.

Ржевский поднялся. Река казалась золотой. По ней полз розовый речной трамвайчик.

– На опытах с животными мы убедились, – сказал Ржевский, – что новая особь наследует не только физические характеристики донора, но и его память, его жизненный опыт.

– К какому моменту? – спросил Человеков.

– К моменту, когда клетка экстрагирована из организма донора.

– Конкретнее, – попросил Остапенко.

– Мы выращиваем особь до завершения физического развития организма. Для человека этот возраст – примерно двадцать лет. Если донору, скажем, было пятьдесят лет, то все знания, весь жизненный опыт, который он накопил за эти годы, переходят к его «сыну». Я думал, это понятно из моего сообщения.

– Понятно, – сказал Османский. – Понятно, но невероятно.

– Ничего невероятного, – возразил Айрапетян.

– Все без исключения животные, выращенные по нашей методике, – сказал Ржевский, – унаследовали память своих доноров. Кстати, три дня назад ко мне забрался шимпанзе, которому от роду две недели. Но он не только знал, как открыть замок клетки, но и помнил путь

по институту до моего кабинета и даже знал, стервец, где у меня в письменном столе лежат конфеты. На самом же деле знал не он, а его генетический отец.

– Он ничего не поломал? – спросил Сидоров.

Наверняка у него свой человек в моем институте, подумал Ржевский. Донесли, как я опозорился.

– Ничего, – ответил он. – Испугался я, правда, до смерти. Вхожу в кабинет, думаю, кто же это сидит за моим столом?

Остапенко постучал карандашом по столу, усмиряя смех.

– Если ваш гомункулус решит погулять по институту, это может кончиться совсем не так смешно.

– Надеюсь с ним договориться, – сказал Ржевский.

– Нет никаких гарантий, – настаивал Сидоров, – что разум гомункулуса будет человеческим. Нормальным.

– Пока что с животными все было нормально.

– Да погодите вы! – вдруг закричал Человеков. Острый кадык ходил под дряблой кожей. – Нам предлагают новый шаг в эволюции человека, а мы спорим по пустякам. Неужели непонятно, что в случае удачи человечество станет бессмертным? Мы все можем стать бессмертными – и я, и вы, и любой... Индивидуальная смерть, смерть тела перестанет быть смертью духа, смертью идеи, смертью личности! Если понадобится, я отдам вам, Ржевский, мою пенсию. Я не шучу, не улыбайтесь.

Ржевский знал Человекова давно, не близко, но знал. И даже знал обоих его сыновей – Человеков запикивал их в институты, спасал, отводил от этих пожилых балбесов дамочковы мечи и справедливые молнии...

– Спасибо, – сказал Ржевский без улыбки.

– всю жизнь я накапливал в себе знания, как скупой рыцарь, набивал свою черепушку фактами и теориями, наблюдениями и сомнительными гипотезами. И знал, что с моей смертью пойдет прахом, сгорит этот большой и бестолковый склад, к которому я даже описи не имею...

– Человеков постучал себя по виску согнутым пальцем. – И вот сейчас пришел человек, вроде бы не шарлатан, который говорит, что ключи от моего склада можно передать другому, который пойдет дальше, когда я остановлюсь. Вы не шарлатан, Ржевский?

– В этом меня пока что никто не обвинял, – сказал Ржевский и заметил, как шевельнулись губы Сидорова, но Сидоров промолчал. Сидоров не верил, но уже понимал, что пожилые люди, собравшиеся в этом кабинете, согласятся дать Ржевскому тринадцать миллионов и еще миллион в валюте.

«А вдруг я шарлатан? – подумал Ржевский. – Вдруг то, что получалось с собаками и шимпанзе, не получится с человеком? Ладно, не получится у меня, получится у кого-то потом, завтра».

– Я не предлагаю своей клетки, – сказал Человеков, – особенно сейчас, когда столь многое зависит от первого опыта. От первого гомо футуриста. Мой мозг уже сильно изъеден склерозом. А жаль, что я не услышал вас, Ржевский, хотя бы десять лет назад. Я бы настоял, чтобы мне сделали сына. Мы бы славно поработали вместе...

– Кстати, – сказал Семанский, когда Человеков устало опустил в кресло свое громоздкое обвисшее тело, – вы задумывались о первом доноре?

– Да, – ответил Ржевский. – Клетку возьмем у меня.

– Почему? – воскликнул вдруг человек в ярком галстуке. – Какие у вас основания? Этот вопрос следует решать на ином уровне.

– Не надо его решать, – сказал Айрапетян. – По-моему, все ясно. Кто, как не руководитель экспериментов, может лучше проводить наблюдения над самим собой... в возрасте двадцати лет?

8

С понедельника Ниночка была в лаборатории, но совсем не в той роли, к которой себя готовила. Она ездила. Каждый день куда-то ездила, с бумагами или без бумаг. С Алевичом или без него, на машине или на автобусе. Получала, оформляла и тащила в институт. Будто Ржевский готовился к осаде и запасался всем, что может пригодиться.

Директорская лаборатория занимала половину первого этажа и выходила окнами в небольшой парк. Деревья еще были зелеными, но листья начали падать. В парке жила пара ручных белок. Во внутренних помещениях лаборатории, за металлической толстой дверью с иллюминатором Нина была только один раз, на субботнике, когда они скребли стены и пол без того чистых, хоть и загроможденных аппаратурой комнат. Даже электрик Гриша входил туда только в халате и пластиковых бахилах. Ничего там интересного не было: первая комната с приборами, вторая от нее направо – инкубатор, там ванны с биологическим раствором. Одна чуть поменьше, в ней выращивали шимпанзе, а вторая – новая, ее еще не кончили монтировать, когда в третью комнату, лазарет, перешел сам Ржевский.

Ржевским занимались два врача – один свой, Волков, рыжий, маленький, с большими губами, всегда улыбается и лезет со своими шоколадками, второй – незнакомый, из института Циннельмана.

Какое-то нервное поле окутало институт. Даже техники и слесари, которые раньше часто сидели за кустами в парке и подолгу курили, а то и выпивали, перестали бубнить под окном. Навесили на себя серьезные физиономии, двигались деловито и даже сердито.

Мать раза два забегала вниз, будто бы повидать Ниночку. Косилась на металлическую дверь и говорила громким шепотом, а Нине было неловко перед другими лаборантками. Мать здесь была лишней, ее присутствие сразу отделяло Ниночку от остальных и превращало в ребенка, устроенного по знакомству.

Вечером дома шли бесконечные разговоры о Ржевском и его работе. Они шли кругами, с малыми вариациями. Ниночка заранее знала все, что будет сказано, она пряталась в своей комнате и старалась заниматься. Но было слышно.

Хлопает дверь холодильника – отец что-то достает оттуда.

– Что ты делаешь! – возмущается мама. – Через полчаса будем ужинать.

– Я поужинаю еще раз, – отвечает отец. – Так будешь останавливать Ржевского?

– Если у него получится, он наверняка схлопочет государственную премию. Почти гарантия. Мне Алевич говорил, – слышен голос матери.

– Лучше бы уж он на тебе женился, и дело с концом, – говорил отец.

– Я этого не хотела!

– Правильно, кисочка, я всегда был твоим идеалом.

– Ах, оставь свои глупости!

Тут Нина поднимается с дивана, откладывает математику и идет поближе к двери. Она так и не знает толком, что же произошло много лет назад. Что-то произошло, связывающее и по сей день всех этих людей. Она знает, что Ржевский предал маму и убил бедную Лизу. Ниночка привыкла за много лет к тому, что Ржевский предатель и неблагодарный человек. Раньше это ее не касалось. Ржевский никогда не приходил к ним домой. И в то же время знакомство с ним позволяет не без гордыни говорить знакомым: «Сережка Ржевский, наш старый друг...» А потом мама пристроила ее в библиотеку, и она увидела Ржевского, который оказался совсем не похож на предателя, – образ предателя складывался у нее под влиянием телевизора, а там предателей обычно играют одни и те же актеры. Ржевский был сухим, подтянутым, стройным человеком с красным лицом, голубыми глазами и пегими, плохо подстриженными волосами. На круглом подбородке был белый шрам, а руки оказались маленькими.

Ржевский здоровался с ней рассеянно, словно каждый раз с трудом вспоминал, где он с ней встречался. Потом он улыбался, почти робко, наверное, помня, как много плохого Ниночка должна о нем знать. Ниночка была готова влюбиться в Ржевского, в злодея, который нес в себе тайну. Правда, Ржевский был очень старым. За сорок.

А из-за двери льются голоса родителей.

– Знаешь, а бараки сносят, – говорит мать.

– Какие бараки?

– Где он с Лизеттой жил.

9

Ржевский вывел очередную комиссию из лаборатории. Посидели еще немного в кабинете. Леночка принесла кофе с коржиками. Говорили о каких-то пустяках – Струмилов обратил внимание, что на первом этаже нет решеток. Алевич воспользовался случаем и стал просить денег на ремонт, фасад никуда не годится, паркет буквально рассыпается. А если иностранные делегации? «Не спешите с иностранными делегациями», – сказал Остапенко. Хруцкий спросил о конгрессе в Брно, кого бы послать. Ржевскийпил кофе, разговаривал с начальством, делая вид, что принадлежит к той же категории людей, а мысленно представлял, как идет деление первых клеток. Прямо видел, словно в поле микроскопа, как шевелятся, переливаются клетки. Главное, чтобы успели подготовить перенос...

Потом он сидел допоздна во внутренней лаборатории. Внизу лаяли собаки, потом раздался звон. Ржевский понял, что обезьяны скучают, зовут людей – кружкой о прутья клетки.

Во внутренней лаборатории было хирургически светло. Дежурный Коля Миленков, чтобы не мешать директору, делал вид, что читает английский детектив. Он считал директора гением и потому был счастлив.

Ржевский пошел домой пешком. Он остановился возле барака, дверь была открыта. Ржевский вошел внутрь. Пахло пылью и давнишним человеческим жильем. Света не было, свет давно отключили. Ржевский зажег было спичку и понял, что это лишнее – он отлично помнил, сколько ступенек на лестнице. Он поднялся на второй этаж, и было странное ощущение, что поднимается он не в пустоту заброшенного барака, а к себе, где за дверью должна стоять, прислушиваясь к его шагам, Лиза. Откроет, смотрит и молчит. Он устало протянет ей сумку с продуктами или портфель, чтобы Поставила на столик в маленькой прихожей, и скажет: «Не сердись, Лиз, сидел в библиотеке, опоздал на электричку». Катька, спящая на топчанчике, который он сколотил сам не очень красиво, но крепко, застонет во сне, и Лиза скажет с виноватой улыбкой: «Котлеты совсем остыли, я их два раза подогрела».

Дверь была не заперта. За окном висела луна, на полу валялись старые журналы. Больше ничего. Ни одной вещи из прошлого. И обои другие.

Ржевский подошел к окну. Если ночью не спалось, он вылезал из-под одеяла и шел к окну, открывал его и курил, глядя на пустырь. Там, где теперь белые дома нового района, была черная зелень. В ней скрывалась деревня – в ту деревню Лиза бегала за молоком, когда Катька простудилась. Он вдруг насторожился. Он понял, что вот сейчас Лиза проснется – она всегда просыпалась, если он вставал ночью. «Что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь?» – «Просто не спится». – «Просто не бывает. Ты расстроен? Тебе плохо?» – «Лет, мне хорошо. Я думаю». Он бывал с ней невежлив, он уставал от ее забот, вспышек ревности и мягких, почти робких прикосновений. «Может, тебе дать валерьянки?» – «Еще чего не хватало!»

Скрипнула ступенька на лестнице. Потом удар. Шум. Словно тот, кто поднимается сюда, неуверенно и медленно ощупывая стенку рукой, ударился об угол.

Надо бы испугаться, сказал себе Ржевский. Кто может подниматься сюда в полночь по лестнице пустого барака?

Дверь медленно начала отворяться, словно тот, кто шел сюда, не был уверен, эта ли дверь ему нужна.

Ржевский сделал шаг в сторону, чтобы не стоять на фоне окна.

10

Человек, вошедший в комнату, неуверенно остановился на пороге. Глаза Ржевского уже привыкли к темноте, к тому же в комнату глядела луна – он увидел, как человек шарит рукой справа по стенке, и вспомнил, сколько раз он сам протягивал туда руку и зажигал свет. Раздался щелчок.

– Ах, черт! – прошептал человек.

– Послушай, свет все равно отключен, – сказал Ржевский. – Эти бараки выселены, ты забыл, что ли?

Человек замер, прижался к стене, он не узнал голоса Ржевского и испугался так, что его рыхлое тело размазалось по стене.

– Испугался, что ли? – Ржевский пошел к Виктору, врезался ногой в кучу журналов, чуть не упал. – Это я, Сергей.

– Ты? Ты зачем здесь? – сказал Виктор хрипло. – Испугался. Никак не думал кого-нибудь встретить.

Они замолчали.

– Курить будешь? – спросил Ржевский.

– Давай закурим.

Ржевский достал сигареты. Когда Виктор прикуривал, он наклонил голову, и Ржевский увидел лысину, прикрытую зачесанными набок редкими волосами.

– Я давно тебя не видел, – сказал Ржевский.

– Ну, я пошел, – сказал Виктор.

Ржевский кивнул. Ему тоже бы уйти, но не хотелось идти по ночной улице с Виктором. Ботинки Виктора тяжело давили на ступеньки. Лестница ухала. Потом все смолкло.

Наверное, Эльза сказала ему, что бараки сносят, подумал Ржевский. А может быть, Виктор приходил сюда и раньше? Его, Ржевского, тянет прошлое, как убийцу, который приходит на место преступления. Тут его и ловят. И Виктор его ловил? Нет. Он сам пришел. Ржевский закрыл глаза и постарался представить себе комнату, какой она была тогда. Он заставлял себя расставить мебель, положил мысленно на стол свои книги и даже вспомнил, что настольную лампу накрывали старым платком, чтобы свет не мешал Катьке. А Лиза лежала в полутьме и смотрела ему в спину. Он знал, что она смотрит ему в спину, стараясь не кашлять и не ворочаться. А ему этот взгляд мешал работать. И он тихо говорил: «Спи, тебе завтра вставать рано». – «Хорошо,

– отвечала Лиза, – конечно. Сейчас засну».

В то последнее утро они заснули часов в пять, на рассвете, прошептавшись всю ночь, а потом он открыл глаза и, как в продолжении кошмара, увидел, что она стоит в дверях, держа за руку тепло одетую Катьку, с чемоданом в другой руке. Он тогда еще не осознал, что Лиза уходит навсегда, но в том, что она уходит, было облегчение, разрешение тупика, какой-то выход. И он заснул...

Ржевский открыл глаза. Свежий ночной ветер вбежал в окно через разбитую створку и зашуршал бумагой на полу.

Ржевский выкинул сигарету в окно и спустился вниз. Его одолела такая смертельная, глубокая, безнадежная тоска, что, когда он увидел – неподалеку, за деревом, стоит и ждет Виктор, замер, не выходя наружу, а потом дождался, когда Виктор зажег спичку, снова закуривая, выскочил из подъезда и скользнул вдоль стены, за угол, в кусты.

11

Нине очень хотелось заглянуть во внутреннюю лабораторию – центр, вокруг которого уже шестую неделю концентрировалась жизнь института. Но никак не получалось. Туда имели доступ только пять или шесть человек, не считая Ржевского и Остапенко из президиума. Правда, раза три приезжали какие-то друзья Ржевского, седые, солидные. Коля Миленков их, конечно, всех знал – академик такой-то, академик такой-то... Этих Ржевский сам заводил внутрь, и они застревали там надолго.

– Понимаешь, Миленков, – сказала Ниночка, которая к Коле привыкла и уже совсем не боялась. – Это для меня – как дверь в замке Синей Бороды. Помнишь?

– Помню. Тебе хочется бесславно завершить молодую жизнь. Ты понимаешь, что Синяя Борода нас обоих тут же вышвырнет из института. А у меня докторская в перспективе.

Самого Ржевского, хоть она и видела его теперь каждый день и он уже привык считать ее своей, не дочкой Эльзы, а сотрудницей, даже как-то прикрикнул на нее, – понимаете разницу? – Ниночка попросить не осмеливалась. Он был злой, дерганый, нападал на людей почем зря, но на него не обижались, сочувствовали – ведь это у них в институте, а не где-нибудь в Швейцарии рос в биованне первый искусственный человек.

В конце концов Ниночка проникла в лабораторию.

Был вечер, уже темно и как-то тягостно. Деревья за окнами почти облетели, один желтый кленовый лист прилип к стеклу, и это было красиво. Коля вышел из внутренней лаборатории, увидел Ниночку, которая сидела за своим столом с книжкой, и спросил:

– Ты чего не ушла?

– Я Веру подменяю. Мне все равно домой не хочется. Я занимаюсь.

– Я до магазина добегу, а то закроется. На углу. Минералочки куплю. Ты сиди, поглядывай на пульт. Ничего случиться не должно.

Ниночка кивнула. Внешний контрольный пульт занимал полстены. Ржевский еще давно, в сентябре, заставил всех лаборантов разобраться в этих шкалах и циферблатах. На всякий случай.

– Главное, – сказал Коля, – температура бульона, ну и, конечно...

– Я знаю, – сказала Ниночка и почувствовала, что краснеет. У нее была тонкая, очень белая, легко краснеющая кожа.

– Я не закрываю, – сказал Коля. – Одна нога здесь, другая там. Но ты туда не суйся... – И, выходя уже, добавил: – Восьмая жена Синей Бороды.

Ниночка встала и пошла к пультам. Там, внутри, ничего неожиданного не происходило. А если произойдет, такой трезвон пойдет по институту! Так было на прошлой неделе, когда повысилась кислотность. К счастью, Ржевского в институте не было, а когда он приехал, все уже обошлось.

Ниночка прошла по комнате. В институте было очень тихо. Желтый лист на стекле вздрагивал и, видно, собирался улететь.

– Если улетит, – сказала Ниночка, – я загляну. Краем глаза.

Конец листа оторвался от стекла. Ниночка напряглась, испугалась, что он улетит и придется заглядывать. Но капли дождя прибили лист к стеклу снова. Он замер.

Тогда Ниночка подумала, что скоро Коля вернется. Она подошла к двери и легонько тронула ее. Может, дверь и не откроется. Дверь открылась. Легко, беззвучно.

Переходник был ярко освещен, дверь направо, в инкубатор, чуть приоткрыта. Каблучки Ниночки быстро простучали по плиткам пола. В шкафу висели халаты. Из рукомойника капала вода. Ниночка замерла перед дверью, прислушалась. Тихо. Даже слишком.

Только жужжали по-электрически какие-то приборы. Из-за двери пробивался мягкий свет.

Нина приоткрыла дверь и скользнула внутрь.

Почему-то сначала она увидела мягкий черный диван и на нем открытую книгу и половинку яблока. Там должен был сидеть Коля Миленков. У дивана на столике стояла обыкновенная настольная лампа. Одна ванна была пустая, большая, совершенно как египетский саркофаг с выставки. Или как подводная лодка. Все таинство происходило во второй ванне, поменьше, утопленной в полу и, к сожалению, совершенно непрозрачной. То есть крышка была прозрачной, но внутри – желтоватая мутная жидкость. Ниночка наклонилась к ванне, но все равно ничего не смогла различить, и тогда она потрогала ее стеклянный гладкий бок. Бок был теплым. Ее прикосновение вызвало реакцию приборов. Они перемигнулись, гудение усилилось, словно шмель подлетел поближе, к самому уху. Ниночка отдернула руку, и тут дверь открылась и вошел Ржевский. Ниночка думала, что это Коля, и даже успела сказать:

– Коля, не сердись...

И замолчала, прижав к груди руку, как будто на ней отпечатался след прикосновения к ванне.

– Ты что тут делаешь? – Ржевский сначала даже не удивился, прошел к приборам, повернулся к Нине спиной, и она стала продвигаться к двери, понимая, что это глупо.

– Меня Коля попросил побыть, пока он за водой сходит, – сказала Нина.

– Попросил? Побыть? – Ржевский резко обернулся. – Как он посмел? Оставить все на девчонку! Несмышлениша! Ты чего трогала?

И Ниночке показалось, что он ее сейчас убьет.

– Не трогала.

– Почему улыбаешься?

– Я не улыбаюсь, барон.

– Кто?

– Синяя Борода. Или он был герцог?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.